

П.Чони

Г.А.АЛЕКСИНСКИЙ: ГОРЬКАЯ ЖИЗНЬ МАКСИМА ГОРЬКОГО

Г.Алексинский, депутат II Государственной думы в 1907 г. и главный герой важных эпизодов жизни Российской социал-демократической партии в годы, предшествующие революции, сейчас полностью забыт. Его имя упоминается прежде всего в отношении Высшей школы для рабочих на Капри, а также среди участников группы «Вперёд», одним из основателей которой он являлся и о которой сохранил большое количество важных документов, купленных впоследствии Бахметевским архивом Колумбийского университета в Нью-Йорке. Существует множество причин для такого забвения. С одной стороны, «Краткий курс истории КПСС», опубликованный в 1938 г., приводил официальную историю, стремившуюся к вычёркиванию всех тех персонажей, которые были не согласны с ленинской линией. С другой стороны, Алексинский, выступавший во время войны за то, чтобы Россия вошла в состав Антанты, после революции обвинял Ленина в шпионаже на стороне немцев. Арестованный и вынужденный бежать, он жил до самой смерти во Франции, где продолжил свои нападки на большевиков в различных органах печати. Вместе с его именем сегодня до сих пор остаются забытыми все его произведения — на наш взгляд, несправедливо. В этой статье мы рассматриваем биографию «*La vie amère de M.Gorki*» («Горькая жизнь М.Горького»). Книга, вышедшая в 1950 г. в издательстве «Артауд» и снискавшая успех у французской критики, представляет собой первую политическую биографию писателя.

Ключевые слова: М.Горький, Г.Алексинский, Сталин, отзовизм, каприйская школа

В 1950 г. в издательстве «Артауд» выходит книгу «*La vie amère de Maxime Gorki* (Горькая жизнь Максима Горького)» [1] Г.А.Алексинского, бывшего депутата II Государственной думы и яркого представителя социал-демократической партии дореволюционного времени, на тот момент перешедшего в ряды врагов революции и обосновавшегося в Париже. Биографию хорошо принимает французская пресса: газета *Le Monde* даёт положительную рецензию [2, с. 6], а *Figaro* публикует некоторые отрывки книги и пишет во вступлении к статье: «Страницы, которые мы публикуем, проясняют реакцию пролетарского писателя, который, попав в революцию, хотел сохранить свои моральные ценности» [3, с. 4]. Книга на много лет предвосхищает исследования о политической роли М.Горького и впервые пытается объяснить поведение русского писателя по отношению к большевикам, революции, сталинизму, приходя к выводам очень близким позиции современных биографов. В этом Алексинскому помогли как личное знакомство с писателем¹, с которым у него сохранилась богатая переписка, так и тот факт, что Алексинский теперь жил в изгнании, и его произведение не могло быть подвергнуто советской цензуре. Как отмечает журналист газеты *Le Monde* А.Пьер, это — «скорее политическая, чем литературная» [2, с. 6] биография, в которой Алексинский прослеживает все этапы политической жизни писателя: от его сближения с большевистской партией до конфликта с Лениным в тот период, когда Горький совместно с Богдановым, Луначарским и самим Алексинским основывают партийную школу на Капри; от отказа от революции 1917 г., которую он считает социальным экспериментом, до годов, проведённых в изгнании в Италии; от возвращения в Россию до смерти писателя, не оставляя без внимания громкие судебные процессы 1936 г., когда некоторые члены старой большевистской гвардии были обвинены в убийстве Горького. С учетом того, в какие годы была издана эта биография, можно отметить, что речь идёт об новаторской книге, которая, однако, на наш взгляд, не получила необходимого резонанса. Этот текст никогда не переводился на русский язык, даже в годы перестройки, когда исследователи начали изучать политическую биографию Горького, а на западе книгу Алексинского мало цитируют даже специалисты по этой теме. Причин этому очень много. С одной стороны, Алексинский был полностью вычеркнут из истории большевистской партии дореволюционного периода из-за его оппозиционности Ленину, проявившейся в различных ситуациях, что впоследствии заставило Алексинского бежать во Францию в 1919 г. Кроме того, примкнув к рядам контрреволюционеров, Алексинский всё больше сближался с правым французским движением и не раз критиковал в прессе большевистское правительство. Помимо всего прочего, из-за характера Алексинского и склонности к интриганству многие считают его не заслуживающим доверия. Чтобы понять причины такого отношения к Алексинскому, на наш взгляд, будет полезно обратиться к краткой биографии этого интеллектуала, о котором и сегодня известно мало.

Г.Алексинский родился 30 сентября 1879 г. в селе Хунзах [4], на северном Кавказе в семье врача, служившего в Ярославле, где Алексинский проводит детство и юность и посещает гимназию. Впоследствии он поступает на историко-филологический факультет Московского университета, но вскоре его арестовывают на студенческой сходке. В 1904 г. ему всё равно удаётся защитить диплом, и после он вступает в социал-демократическую партию, активно участвуя в революционном движении на стороне большевиков. В 1907 г. его избирают в состав II Государственной думы, где он показывает себя прекрасным оратором. Роспуск II

¹ Документы, хранившиеся у Алексинского, были куплены в период между 1947 г. и 1970 г. Колумбийским университетом и находятся в «Бахметевском архиве русской и восточноевропейской истории и культуры».

Государственной думы 16(3) июня 1907 г. заставляет его эмигрировать сначала в Финляндию, а потом в Женеву, где он основывает журнал «Радуга», с которым сотрудничают Горький, Луначарский и Богданов. В этот период начинаются первые конфликты Алексинского с Лениным. Изначально Алексинский выступал за бойкот выборов в III Государственную думу, а в августе 1908 г. вместе с В.Л.Шанцером был зачинщиком так называемого «ультиматизма». Ленин, в целях распространения идей большевизма, настаивал на присутствии в думе депутатов от социал-демократической партии, в чем был тактически солидарен с меньшевиками; Богданов же, при поддержке Луначарского и Алексинского, высказывался за продолжение революционных действий альтернативными прямому выступлению способами в обход парламента [5]. Конфликт обострился в 1909 г. после создания Высшей школы для рабочих на Капри, одним из основателей которой Алексинский был наравне с Горьким, Богдановым и Луначарским. Именно Алексинский написал первый проект программы школы² [6, с. 88] и отправил его Горькому. Разногласия Ленина с «левыми большевиками» (такое определение дал Ленин группе интеллектуалов, объединившихся вокруг Богданова), возникли также по другим принципиально важным вопросам — таким как, к примеру, роль интеллигенции в руководстве партии. Ленин предлагал строго централизованную структуру партии, возражая против принципа спонтанности; в противоположность ему Богданов, связывая поражение революции с той ситуацией смятения, которая воцарилась среди неспособных к самоуправлению местных организаций, был убежден, что у пролетариата должна быть своя интеллигенция. По мнению Богданова, причины неудач следовало искать в глубокой политической незрелости пролетариата, которую необходимо было преодолеть путем постоянных усилий интеллигенции, направленных на развитие в рабочих сознания своего угнетенного положения и на достижение их реальной эмансипации. Для этого партийная интеллигенция должна играть роль идеологического посредника, постепенно освобождаясь от присущего ей от природы индивидуализма [5]. Авторитаризм партийной верхушки был, считал Богданов, буржуазным пережитком, который необходимо искоренить.

Именно из этих соображений и родилась Школа для рабочих на Капри, которая, тем не менее, закрылась в период с конца ноября по начало декабря 1909 г. с переходом некоторых рабочих на сторону Ленина. Случившееся не привело в уныние группу, которая объединилась вокруг Богданова, получив в конце 1909 г. название «Вперёд». Она действовала как самая настоящая фракция внутри Российской социал-демократической партии и получила признание как литературная организация в составе РСДРП. В политической платформе группы «Вперёд» [7, с. 36-75] указывалась задача восстановить истинный дух большевизма в противовес парламентскому большевизму Ленина. Для «вперёдовцев» большевизм был феноменом не только политическим, но и социокультурным. По этой причине культурная эмансипация пролетариата становилась одной из основных задач большевизма в ожидании новой революционной волны. В 1910 г. группа основала в Болонье новую партийную школу, в которой преподавали как большевики, так и меньшевики, но уже в 1911 г. внутри школы начался разлад, и Алексинский, как рассказывает Луначарский, сыграл в этом первостепенную роль: «После короткой, но довольно тяжелой распри между Богдановым и Алексинским первый покинул группу “Вперёд”, и после этого Алексинский развил до кульминационного пункта свои выдающиеся способности дезорганизатора: ему удалось постепенно поссориться и отколоть от нас тов. Менжинского, Покровского и в конце концов самым нелепым и довольно гнусным образом порвать также и со мной» [8, с. 52]. На самом деле Алексинский, который прекрасно знал о личном конфликте, назревшем между Горьким и Богдановым в течение месяцев, проведенных на Капри [9], попытался окончательно отдалить их друг от друга³ [10], когда Горький попросил у него адреса Богданова и Вольского, желая, вполне вероятно, возобновить отношения с товарищами по партии [11, с. 39-40], на что Алексинский ответил, что адресов не имеет, и изложил абсолютно недостоверную версию конфликта, случившегося внутри группы «Вперед». Следует вспомнить, что Горький именно по причине существующего конфликта решил не участвовать в деятельности группы «Вперёд», чью программу он, тем не менее, одобрил [12, с. 71], и отказался преподавать в Болонской школе, будучи однако одним из тех, кто финансировал её деятельность.

В любом случае конфликты внутри группы привели к её расколу на две части, работавшие в Париже и Женеве. В Париже находились Г.Алексинский и Д.Мануйльский, которые отделились от культурного проекта Богданова и «стремились к вооружённому восстанию», в то время как женевский кружок в лице И.Лебедева-Полянского и М.Цхакая, остался верен изначальному проекту [см. 13, с. 150].

С началом войны Алексинский совершает решительный поворот направо, сблизившись с Плехановым, и основывает в Париже газету «Призыв», в которой поддерживает создание Антанты против Германии. В эти годы он очень активен на издательском поприще и выпускает в престижных французских издательствах Flammarion и Colin книги «Современная Россия» (“La Russie moderne”, Flammarion, 1912), «Россия и война» (“La Russie et la guerre”, Colin, 1915) и «Россия и Европа» (“La Russie et l’Europe”, Flammarion, 1917), которые получают успех и незамедлительно переводятся на английский язык. Однако если во французской культурной среде он снискал определённый престиж [14], то среди русских эмигрантов это было не так. Кажется даже, что Г.Алексинский довёл свои антинемецкие настроения до пароксизма, обвинив различных людей в том, что они являются немецкими шпионами (среди обвинённых был Л.Троцкий) [15, с. 226)]. По этой причине, как

² Алексинский хоть и написал первый вариант программы, в своем повествовании преувеличивает свою роль, ставя себе в заслугу основание Каприйской школы.

³ Письмо Алексинского Горькому от 7 июня (25 мая) 1911 г. опубликовано в итальянском переводе Ю.Шеррер и Д.Стейлыс.

упоминает Дойчер, «все журналистские организации Парижа исключили [его] из своих рядов как бесчестного клеветника» [15, с. 285].

Вернувшись в Россию после февральской революции, Алексинский присоединяется к плехановской группе «Единство» и просит включить его в Исполнительный комитет меньшевиков, но из-за его предшествующей деятельности во Франции и из-за обвинений, брошенных в сторону различных членов партии, просьба не находит отклика.

В 1917 г. он снова становится главным героем не очень приятного эпизода. В июле 1917 г. выходит статья под авторством Г.Алексинского и В.Панкратова «Ленин, Ганецкий и Ко — шпионы!», в которой Ленин обвиняется в том, что является немецким шпионом [16, с. 3], работающим над заключением сепаратного мира с Германией. Из-за обвинений, исходящих от Алексинского, которые подхватили многие органы печати того времени, меньшевики отказывают ему в ходатайстве войти в Исполнительный комитет партии. В 1918 г. Алексинского арестовывают, а в 1919 г. он окончательно эмигрирует во Францию, где продолжит атаковать большевиков в различных печатных органах.

В 1963 г. в подтверждение уважения, проявляемого к нему во французских интеллектуальных кругах, Алексинский получает престижную премию Французской академии за карьеру.

Принимая во внимание взгляды, которых Алексинский придерживался в течение своей жизни, особенно в годы, предшествующие публикации политической биографии Горького, можно было бы предположить, что на реконструкцию фактов повлияла политическая позиция Алексинского. Напротив, мы находим здесь повествование, основанное на реальных событиях и сведениях из первых рук.

Разумеется, большая часть информации, изложенной Алексинским, сегодня известна историкам, но это было не так в 1950 г., когда книга была опубликована. Например, в те годы участие Горького в школе для рабочих на Капри было вычеркнуто из биографии писателя и ликвидировано из советской историографии как малозначимый эпизод, а период с 1928 г. до смерти Горького имеет в историографии два полностью противоположных толкования. С одной стороны, советские официальные лица превратили писателя в икону, представляя его основоположником социалистического реализма, другом Сталина и Ленина и вычеркивая из его биографии любые эпизоды конфликта с партией; с другой стороны, эмиграция демонизировала Горького, считая его попросту изменником именно из-за поддержки советского режима в последние годы жизни.

На самом деле о Каприйской школе для рабочих, впервые включённой в политическую биографию Горького как исключительно важный эпизод для понимания политической эволюции писателя, Алексинский пишет мало. По непонятной причине этому посвящены всего лишь семь страниц биографии [1, с. 167-174]. Поражает краткость, с которой воссоздана история школы, среди главных героев которой выступал сам Алексинский как в качестве организатора, так и в качестве преподавателя, тем более, что историк мог использовать богатейший неизданный материал, который у него хранился, включающий письма главных действующих лиц, протоколы собраний, некоторые лекции и даже копии заданий, сделанных рабочими-учениками. Возможно, недостаточное внимание к этому моменту объясняется именно личным вовлечением Алексинского и тем фактом, что он питал те же оптимистические чувства в отношении результатов, ожидаемых от школы, что Горький, Богданов и Луначарский, как свидетельствовала его жена Татьяна Ивановна Евтихьева: «Он [Алексинский — пер.] считает, что, если речь идет о подготовке грамотных активистов для рабочих организаций, школа может оказаться полезной. Но если мы собираемся создать новую цивилизацию, вырастив некоего гомункула под названием «сознательный рабочий», проект обречен на провал. Человек сложнее овоща. Из спаржи и огурцов можно искусственным путем получить новые скороспелые сорта, но, обращаясь таким образом с людьми, мы рискуем вырастить скороспелых приматов» [17, с. 460]. Но также возможно, что Алексинский просто не до конца осознавал важность школы для истории большевистской партии, как раз потому, что не полностью разделял мнение её создателей. В этом смысле нам кажется показательной его критика в сторону Горького и Луначарского в отношении идеи трансформировать социализм в религию [1, с. 169]. Эту идею Алексинский не разделяет и, приведя несколько строк из молитвы «Отче наш», переписанной Луначарским, в которой пролетариат заменяет собой Бога («О, святой рабочий класс, да будет благословенно имя твое, да будет воля твоя, да придет царствие твое!...») [1, с. 169], Алексинский даёт следующий комментарий: «Эта вульгарная пародия звучит как оскорбление, как для христиан, так и для православных марксистов» [1, с. 169].

Однако даже по немногочисленным страницам, посвящённым школе, можно воссоздать события, приведшие к её созданию, причины конфликта с Лениным, личные и политические конфликты внутри школы, а также попытки (не совсем удавшиеся) Ленина перетянуть Горького на свою сторону в последующие годы. Алексинский сразу же уловил душевное состояние писателя, огорчённого каприйским опытом и желающего не быть вовлечённым в политические диспуты, сотрясавшие тогда российских социал-демократов, и, прежде всего, возобновить контакты с Россией, чтобы снова обрести утраченное литературное вдохновение. По мнению Алексинского, после закрытия школы Горький «оставался для большевистских революционеров... попутчиком, вольным стрелком, которого невозможно вовлечь во что-то и полностью дисциплинировать» [1, с. 174]. По этому поводу Алексинский пишет: «Ленин и его товарищи могли жить в эмиграции и продолжать свою шпионскую работу, чтобы подорвать основы царского режима. Горькому необходимо было жить в России: вдали от родной почвы, без непосредственного контакта с русской жизнью его сочинения становились «бесплодными» и «очень поучительными»» [1, с. 174].

Большой интерес представляет также описанный Алексинским период с сентября 1917 г. до второй ссылки. Цитируя различные статьи, написанные Горьким для «Новой жизни», Алексинский подчёркивает, что писатель не принимал решение большевиков захватить власть, и, прежде всего, биограф показывает большую работу, проведённую Горьким по спасению «культуры» и российской интеллигенции. «Мы знаем, — пишет Алексинский, — что Горький не любил интеллектуальные круги, он вменял им в вину отдалённость от народных масс, мягкость и многословность [1, с. 184]. Но интеллигенция была «мозгом страны», и видеть её разрушение было для него болезненным зрелищем» [1, с.185]. В этом смысле интересно проследить, как точно Алексинский толковал мысль Горького, который в письме Ленину, опубликованном только в 2008 г., выражал своё мнение таким образом:

«Дорогой мой Владимир Ильич!

Что такое русская интеллигенция — я знаю не хуже Вас и — если Вы помните — был одним из первых литераторов России, который отнесся к ней резко отрицательно, так же отношусь до сей поры и не вижу причин изменить мое отношение в будущем. Но, сударь мой, надо же, наконец, понять разницу между политиканствующей интеллигенцией и представителями интеллектуальных, научных сил страны... Черт вас дерит! — Надо знать, что Крогиус кадетом никогда не был и что он искренне большевик, а если не лезет к власти, к сытному куску, так это — из безразличности, это потому, что около власти группируются профессора из черной сотни, авантюристы, жулики. [...]

Да, я невменяем, но я не слеп, я — не политик, но — не глуп, как — часто — бывают глупы политики. Я знаю, что Вы привыкли “оперировать массами” и личность для Вас — явление ничтожное, — для меня Мечников, Павлов, Федоров — гениальнейшие ученые мира, мозг его. Вы, политики, — метафизики, а я вот, невменяемый художник, но — рационалист больше, чем вы». [18, с. 56].

Также интересно воссоздана биография Горького в период с 1928 по 1936 гг. — принимая во внимание политические взгляды Алексинского, можно было бы ожидать здесь нападок на писателя созвучно мнению различных представителей русской эмиграции, считавших Горького предателем [1, с. 238-239; 18] за то, что он вернулся в Россию и оказал поддержку Сталину. Алексинский, наоборот, защищает писателя от подобных нападок и объясняет поддержку Сталина тем, что Горький плохо понял марксизм из-за своей чуждости в отношении этой теории, но также из-за того, что Горький искренне верил, что Сталин может наконец реализовать его мечту: социалистическое государство. А в его решении вернуться на родину, возможно, сыграла большую роль ностальгия, на которой отразилась также атмосфера самого настоящего поклонения писателю, намеренно созданная советским режимом, чтобы убедить его вернуться на родину. Кроме того, Алексинский приводит отрывки из письма, адресованного писателем Е.Кусковой, упрекавшей его в напаках на русскую эмиграцию, и находит в них очень важный аспект личности Горького — ненависть правды. Действительно, Горький пишет: «Я искренне и непоколебимо ненавижу правду, которая на 99% есть мерзость и ложь» [19, с. 212]. Но вот что прежде всего важно для Горького: «быстрый и массовый рост личности, рост нового культурного человека, важен рабочий сахарного завода, который читает Шелли в подлиннике, важен человек широкого и здорового интереса к жизни, человек понимающий, что он строит новое государство, человек живущий не словом, а страстью к деянию, к действию» [19, с. 213]. То, что Горький видит в советской реальности, — это осуществление мечты, за которой он гнался на протяжении всей жизни: рождение нового человека, спасённого культурой. Горький верил, что в этом процессе они сам сможет сыграть важную роль. По мнению Алексинского, выбор писателя является горьким, но, возможно, единственно приемлемым.

Также Алексинский даёт детальное описание судебных процессов, начавшихся в Москве после смерти Горького и приведших к тому, что таких важных членов партии, как Бухарин и Ягода, помимо всего прочего, обвинили в убийстве Горького. В связи с этим Алексинский делает следующий вывод: «Этот процесс дал правительству новую возможность использовать имя Горького в пользу режима» [1, с. 252].

Однако нельзя не упомянуть, что есть такие моменты биографии, в которых точка зрения Алексинского превалирует над точкой зрения М.Горького. Цитируя некоторые письма М.Горького Р.Роллану (адресата он не называет), Алексинский утверждает, что с конца 20-х годов по начало 30-х писатель принимает «националистическую позицию» [1, с. 222]. В этих письмах Горький выражает своё беспокойство политической ситуацией в Европе, пишет о фашизме и разрастающемся крайне правом движении. В действительности Горький утверждает: «Все что сейчас творится в Европе и под ее разлагающим влиянием на Востоке, да и всюду в мире, показывает нам, до чего трагикомически непрочны основы буржуазной, своекорыстной, классовой культуры. Вы знаете, я марксист, не потому, что читал Маркса [...] Ложь, лицемерие, грязный ужас классового строя я воспринимал непосредственно от явлений жизни, от фактов быта. Поэтому происходящее в наши дни, возбуждая отвращение, не очень изумляет меня. По всем посылкам, которые наблюдал я полсотни лет сознательной моей жизни, явствовало, что вывод из этого должен быть грозным и сокрушительным. И — вот он, вывод: в стране Гёте, Гумбольдта, Гельмгольца, и целого ряда колоссально талантливых людей, чудесных мастеров и основоположников культуры, — в этой стране всей жизнью ее безответственно, варварски командует крикливый авантюрист, человеческого плоского ума, бездарный подражатель искусного актера Бенито Муссолини. В этой стране, где проповедовалась идея культурной гегемонии немецких мещан над мещанами всей Европы, теперь проповедуются отказ от культуры, возвращение назад, даже не к средневековью, а ко временам Нибелунгов [...] У меня есть основание полагать, что это вырождение свойственно не только германским странам и что при первом серьезном потрясении оно проявится также во Франции и Англии — на

всем Западе» [20, с. 264-265]. Речь ни в коем случае не идёт об отказе от Европы и от её культуры, но о реальной политической ситуации, которая не может не вызывать беспокойство. Тот факт, что Горький считал Россию единственной страной, которая могла остановить «угрозы» правых [1, с. 222], нам кажется абсолютно логичным, исходя из его жизненных обстоятельств. Горький, вероятно, анализировал ситуацию в Италии под властью Муссолини и в Германии с ростом поддержки Гитлера и искренне верил, что его страна сможет стать единственной, где удастся остановить безумие тех лет, охватывавшее Европу. С этим Алексинский, разумеется, не мог согласиться.

В любом случае, несмотря на определённые ограничения, обязанные, прежде всего, периоду, в котором была написана эта биография, а также некоторые личные соображения, иногда представляющие в искажённом свете идеи Горького, нам кажется, что в создании этой книги Алексинский оставил облачение воинствующего политика, чтобы надеть облачение историка, предлагая в целом интересную реконструкцию фактов. Даже если он, несомненно, не знал отношения к себе Горького, которое тот описал в письме Амфитеатрову уже в начале января 1910 г.: «Алексинский — жалчайшая личность, ибо он дегенерат и нигилист. На месте души у него помещен граммофонишко плохонькой фабрики и с очень ограниченным количеством пластинок — напетых не с первого голоса к тому же» [11, с. 229]. Возможно, зная Алексинский об этом жестком высказывании Горького на свой счёт, мы бы читали совсем другую книгу, но, к счастью, история не знает сослагательного наклонения.

1. Alexinsky G. La vie amère de Maxime Gorki. Paris: Arthaud, 1950. 285 p.
2. Pierre A. Maxime Gorki et le bolscevisme // Le Monde, 18.07.1950. P. 6.
3. Une explication de l'attitude de Gorki dans la revolution russe // Figaro, 25.05.1950. P. 4-5.
4. Алексинский Г. Автобиография // Alexinsky papers. Бахметевский архив русской и восточно-европейской истории и культуры.
5. Чони П., Ариас-Вихиль М.А. Воспоминания А.А.Луначарской о Максиме Горьком [Электр. ресурс] // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2018. № 3(15). URL: <https://www.novsu.ru/univer/press/eNotes1/i.1086055/?id=1450144> (дата обращения: 01.06.2020).
6. Горький М. Письма: В 24 т. Т. 7. М.: Наука, 2001. 623 с.
7. Платформа группы «Вперёд» // Неизвестный Богданов (А.А.Богданов и группа РСДРП «Вперед»). 1908—1914 гг). Т. 2. М., 1995. С. 36-75.
8. Луначарский А. «Великий переворот». Пг.: З.И.Гржебин, 1919. 99 с.
9. Чони П., Ариас-Вихиль М.А. Воспоминания А.А.Луначарской о Максиме Горьком [Электр. ресурс] // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2018. № 3(15). URL: <https://www.novsu.ru/univer/press/eNotes1/i.1086055/?id=1450144> (дата обращения: 01.07.2020).
10. Письмо Г.Алексинского М.Горькому // РГАСПИ. Ф. 75. Оп. 1. Д. 31.
11. Горький М. Письма: В 24 т. Т. 9. М.: Наука, 2001. С. 39-40.
12. Письмо М.Горького А.Богданову от 20 ноября (3 декабря) 1909 г. // Горький в зеркале эпохи (Неизданная переписка). Вып. 10. М.: ИМЛИ РАН, 2010. 735 с.
13. Scherrer J., Steila D. Gor'kij-Bogdanov e la scuola di Capri. Una corrispondenza inedita (1908—1911). Roma: Carocci, 2017. 763 с.
14. Rolet S. L'union soviétique vue de Paris par Grégoire Alexinsky // Modernités russes. Lyon, 2012. № 13. P. 115-128.
15. Дойчер И. Троцкий. Вооруженный пророк. 1879—1921 гг. / Пер. с англ. Т.М.Шуликовой. М.: ЗАО Центрполиграф, 2006. 527 с.
16. Алексинский Г., Панкратов В. «Ленин, Ганецкий и К° — шпионы!» // Живое слово. 05.07.1917.
17. Aleksinskaja T. Les souvenirs d'une socialiste russe // La grande revue. 1923. XXVII. № 9. P. 445-472.
18. Письмо М.Горького В.Ленину от 19 сентября 1919 // В жерновах революции. Русская интеллигенция между белыми и красными в пореволюционные годы. Сборник документов и материалов. М.: Русская панорама, 2008. 288 с.
19. Горький М. Письма: В 24 т. Т. 18. М.: Наука, 2016. 923 с.
20. М.Горький и Р.Роллан. Переписка (1916—1936). М.: Наследие, 1995. 543 с.

References

1. Alexinsky G. La vie amère de Maxime Gorki. Paris, Arthaud Publ., 1950. 285 p.
2. Pierre A. Maxime Gorki et le bolscevisme. Le Monde, 18.07.1950, p. 6.
3. Une explication de l'attitude de Gorki dans la revolution russe. Figaro, 25.05.1950, pp. 4-5.
4. Aleksinskiy G. Avtobiografiya [Autobiography]. Alexinsky papers. Bakhmetevskiy arkhiv russkoy i vostochno-evropeyskoy istorii i kul'tury.
5. Choni P., Arias-Vikhil' M.A. Vospominaniya A.A.Lunacharskoy o Maksime Gor'kom [Memoirs of A.A.Lunacharskaya about Maxim Gorky]. Memoirs of NovSU, 2018, no. 3(15). Available at: <https://www.novsu.ru/univer/press/eNotes1/i.1086055/?id=1450144> (accessed: 01.06.2020).
6. Gor'kiy M. Letters in 24 vols, vol. 7. Moscow, 2001. 623 p.
7. Platforma gruppy "Vpered" [Vpered's platform]. Neizvestnyy Bogdanov (A.A.Bogdanov i gruppy RSDRP "Vpered". 1908—1914 gg), vol. 2. Moscow, 1995, pp. 36-75.
8. Lunacharskiy A. "Velikiy perevorot" ["The Great Revolt"]. Petrograd, 1919. 99 p.
9. Choni P., Arias-Vikhil' M.A. Vospominaniya A.A.Lunacharskoy o Maksime Gor'kom [Memoirs of A.A.Lunacharskaya about Maxim Gorky]. Memoirs of NovSU, 2018, no. 3(15). Available at: <https://www.novsu.ru/univer/press/eNotes1/i.1086055/?id=1450144> (accessed: 01.07.2020).
10. Pis'mo G.Aleksinskogo M.Gor'komu [Letter from G.Aleksinsky to M.Gorky]. RGASPI, F. 75, Op. 1, D. 31.
11. Gor'kiy M. Letters in 24 vols, vol. 9. Moscow, 2001, pp. 39-40.
12. Pis'mo M.Gor'kogo A.Bogdanovu ot 20 noyabrya (3 dekabrya) 1909 g. [Letter of M.Gorky to A.Bogdanov dated November 20 (December 3), 1909]. Gor'kiy v zerkale epokhi (Neizdannaya perepiska), iss. 10. Moscow, 2010. 735 p.
13. Scherrer J., Steila D. Gor'kij-Bogdanov e la scuola di Capri. Una corrispondenza inedita (1908—1911). Roma: Carocci, 2017. 763 p.
14. Rolet S. L'union soviétique vue de Paris par Grégoire Alexinsky. Modernités russes. Lyon, 2012, no. 13, pp. 115-128.
15. Doycher I. Trotskiy. Vooruzhenny proroek. 1879—1921 gg. [Trotsky. An armed prophet. 1879-1921]. Moscow, 2006. 527 p.
16. Aleksinskiy G., Pankratov V. "Lenin, Ganetskiy i Ko — shpiony!" ["Lenin, Ganetsky & Co are spies!"]. Zhivoe slovo, 05.07.1917.

17. Aleksinskaja T. Les souvenirs d'une socialiste russe. La grande revue, 1923, XXVII, no. 9, pp. 445-472.
18. Pis'mo M.Gor'kogo V.Leninu ot 19 sentyabrya 1919 [Letter from M.Gorky to V.Lenin of September 19, 1919]. V zhernovakh revolyutsii. Russkaya intelligentsiya mezhdru belymi i krasnymi v porevolutsionnye gody. Sbornik dokumentov i materialov. Moscow, 2008. 288 p.
19. Gor'kiy M. Letters in 24 vols, vol. 18. Moscow, 2016. 923 p.
20. M.Gor'kiy i R.Rollan. Perepiska (1916—1936) [M. Gorky and R. Rolland. Correspondence (1916-1936)]. Moscow, 1995. 543 p.

Chony Paola. G.Alexinsky: the bitter life of Maxim Gorky. G.Alexinsky, deputy of the II State Duma in 1907 and protagonist of important episodes of the life of the Russian Social Democratic Party in the years leading up to the revolution, is now completely forgotten. His name is mentioned primarily in reference to the Capri Party School, as well as among the members of the Forward Group, of which he was a founding member and of which he retained a large number of important documents later purchased by the Bakhmetev Archives of Columbia University in New York. There are numerous reasons for such oblivion. On the one hand, the "Short Course of CPSU History", published in 1938, gave an official story seeking to erase all those characters who were at odds with Leninist line. On the other hand, Alexinsky, who advocated during the war for Russia to become part of the Entente, after the revolution accused Lenin of spying on the side of the Germans. Arrested and forced to flee, he lived until his death in France, where he continued his attacks on the Bolsheviks in various printed media. Together with his name today, all his works are still forgotten, which in our view is unfair. In this article we consider the biography "La vie amère de M.Gorki" ("The bitter life of M.Gorky"). This book, issued in 1950 by Artaud Publishing House, was critically acclaimed in France and it is the first political biography of the writer.

Keywords: M.Gorky, G.Alexinsky, Stalin, otzovism, Capri Party School.

Сведения об авторе. Паола Чони — директор Итальянского Института культуры в Санкт-Петербурге; ORCID: 0000-0002-6878-9357; paolacioni@gmail.com.

Статья публикуется впервые. Поступила в редакцию 15.08.2020. Принята к публикации 30.08.2020.